



Благодарим «Балчуг Кемпински Москва»
(ул. Балчуг, д. 1) за предоставленные для съемок апартаменты.

ПЕРА

Талант сочиняет потея, а гений ворует у Бога.

КУДЕСНИК

Поэт в России больше, чем поэт!

Если ты поэт, это счастье – «выдохнуть».

ИЛЬЯ

Убереги, Господь, язык от лести, обиду от хулы...

РЕЗНИК

Беседу вел:
Александр Олешко

Фотограф:
Михаэль Иванов

КЖЖ

ИЗНЬ МОЯ, ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ?..» Люди, про которых говорят не иначе как: легенды, достояние отечества, гении среди нас, суперзвезды и прочее в том же духе, так вот эти самые недосыгаемые и великие не просто знают о моем существовании! Они общаются со мной!!! Выказывают свое, часто положительное мнение о том, что я делаю на сцене и на экране. Они звонят мне домой и знают номер моего мобильного телефона! Они поздравляют меня с днем рождения и приходят в гости!!!! А я ну НИКАК не привыкну

к этому и продолжаю удивляться, словно вижу это во сне! Словно это сказка какая-то, а не реальность и жизнь моя. Словно все эти люди из моего детства, из телевизора не могут существовать в реальном мире и уж тем более пересекаться со мной!!!! Чур меня! Ущипните! Ан нет!!! Не щипается! Вот и сейчас читаю стихотворение про себя: «Я слушал Сашу, прибавлял / актер, плюс танец, плюс вокал / плюс юмор, пародийный жанр / итог – Олешко! Александр!) И автор ИЛЬЯ РЕЗНИК! «Друзья, ну нет же, этого не может быть», – говорю я сам себе и для того, чтобы в очередной раз понять, что все это наяву, приглашаю Резника в «Балчуг» на встречу, на разговор по душам, на интервью неформат. Вот так вот просто, поговорить с эпохой! Ни много, ни мало!

МЫ НАХОДИМСЯ С ВАМИ В БАЛЧУГЕ. Так получилось, случайно – не случайно, что мы в соседнем номере с тем, где жила Алла Пугачева. Можно было бы встретиться и в ее номере, но он закрыт на реконструкцию. Вас не раздражает, что в любом интервью вас все время спрашивают про Пугачеву, и так всю жизнь?

Ну а как же? Потому что большой отрывок активной творческой жизни связан с Аллой. Не говоря о том, что мы с ней дружим с 1972 года. Сколько это? Уже 37 лет.

ДА, 37 ЛЕТ. В начале вашего знакомства была, по-моему, какая-то история, когда вы ходили вместе к одной артистке?..

Это был как раз 1972 год. Я тогда впервые пришел, уже будучи автором песен «Край березовый», «Яблони в цвету», на концерт Лундстрема, и Аллочка выступала первым номером. Она была еще начинающая. Пела две эксцентрические песенки в канотье. Не помню, о чем там была речь. И я пришел к ней за кулисы и сказал: «Ты мне понравилась». Она говорит: «Ой, да, неужели понравилась?» Я ответил: «Да, замечательно. Вот давай выучи мою песенку». – «Какую?» – «Любовь должна быть доброй», и покажем Гале Ненашевой». Она согласилась. Мы с ней выучили эту песенку под гитару. Затем пришли к Гале в люкс гостиницы «Октябрьская» в Питере, ну и она нас послала восвояси. Мы вышли в коридор понурые, я говорю: «Алла, ну возьми себе эту песню». Она отвечает: «Она мне тоже не подходит». – «Ну тогда что-нибудь другое». А у меня с собой был затертый футляр, где лежали клавиры: мы тогда писали не для кого-то конкретного, а по принципу «кому покажем». Композиторы и поэты так и носили свои работы, показывали исполнителям – другая была система ценностей. И там была у меня песня «Посидим-поокаем». Алла взяла ее и через год стала лауреатом всесоюзного конкурса. И эта песня была проходным билетом на «Орфей».

НА А ВОТ СЕЙЧАС ВЫ ПИШИТЕ СТИХИ, что называется, не в стол, а вот просто для того, чтобы они были, а потом кому-то предлагаете? Или сразу знаете, для кого пишете?

Я очень много работаю. Мало того, у меня через два месяца в издательстве «Зебра» выходит четырехтомник, где будут поэмы, стихи, сонеты, четверостишия, молитвы, проза, детские сказки, басни, что-то еще... Для детей целая книга, четвертый том. А параллельно я выпускаю в издательстве «Зебра» книгу «Илья Резник: две звезды и другие созвездия. Оды по случаю», там будет треть стихов...

ЗНАЧИТ, Я ПРАВИЛЬНО ВЫПИСАЛ ДЛЯ ВАС ФРАЗУ, как-то интуитивно получилось. Это изречение: «Средний человек озабочен тем, как бы ему убить время, человек же талантливый стремится его использовать».

Да, да.

НУ ХОРОШО, но у вас же бывают какие-то паузы или свободное время?

Свободное время меня раздражает, мне скучно, неуютно. Я могу встать в 4 утра и написать песню. У меня есть певица – восходящая звездочка Милана из Санкт-Петербурга. Она уже на «Алых парусах» здорово выступила с двумя моими песнями: «Летний сад» и «Пани понарошку», такая танцевальная. А сейчас я ей написал песню «Оглянись». Или вот «Утраченные грезы» недавно ночью написал. Я ей целую программу сочиняю. И, конечно же, для Димы Даниленко, прекрасного тенора. Уверен, что в будущем – это большой певец!

А ВОТ НАВЕРНЯКА ВОПРОС, который вам задают всю свою жизнь, но я думаю, что в разные периоды жизни у человека, который живет творчеством, наверное, ответ меняется. Как пишутся стихи? Вот у вас как пишутся стихи?

Я тебе «Четверостишия» подарю, последнее четверостишие, 314-е по счету: «Прими, Господь, мое благодарение, слова признания, веры и любви за то, что ты даешь мне вдохновение, что диктуешь мне стихи мои». И совсем недавно я наткнулся на какую-то статью Анны Андреевны Ахматовой, где она говорит: «Вот меня все терзают, говорят, что трудно писать стихи, трудно. Да что трудно, мне их диктуют». Поэту настоящему диктуют стихи. «Талант сочиняет поэту, а гений ворует у Бога», – сказал мне один друг. Надо подворовывать.

А С ПОМОЩЬЮ ПОЭЗИИ ВОЗМОЖНО ли каким-то образом как молитвой очиститься, жизнь откорректировать или отмогить через творчество, быть может, грехи свои?

Ну я за собой грехов особых-то и не вижу, честно говоря. А вот молитвы на меня снизошли в течение полутора недель. Я записывал на разных скатертях, на салфетках, на прочем, потом они у меня все пропали, все абсолютно пропали. Я был в смятении, ничего не помнил. У меня память вообще неважная. И вот позвонил мне Игорь Каменев, художник, спрашивает: «Что ты такой кислый? Поникий?» Я говорю: «А помнишь, я тебе ночью читал...», а он иногда мне звонит и говорит: «Ну, почитай новое». Я говорю: «Помнишь, я тебе ночью читал молитвы?» – «Помню, конечно». – «Все потерял, ничего нет». И он мне тут говорит: «Ты знаешь, я в жизни не записывал чужие разговоры, а здесь меня что-то подвигло, и я нажал кнопку». И мы с ним расшифровали все это, год расшифровывали, и в итоге вышла книжка.

АКТЕРУ, КОТОРЫЙ СМОТРИТ НА СЕБЯ даже через короткое время на экране, все время что-то хочется поправить, потому что ты развиваешься, думаешь: вот эту сцену бы сыграл бы по-другому. Художник иногда переписывает картину или дописывает что-то, или меняет цветовую гамму. А вот у поэта бывает такое? Хочется ли вам иногда переделать какую-то строчку в песне уже?

В песне – нет. Я скажу, что песня довольно-таки совершенная, как ни странно. Нет, у меня не было такого позыва, потому что много нереализованного, много незвучавшего абсолютно. Потому что я человек некоммерческий: я книги свои дарю. Дарю их только вот на этих благотворительных концертах кремлевских («Служить России», например). А в смысле продаж... ну вот «Зебра» сейчас выпустит четырехтомник. Я им сказал: «Мне не надо гонорар, дайте мне 500 штук для друзей, а с остальными – делайте что хотите». Вот такие дела.

НА А ПОЭТ В РОССИИ, КОТОРЫЙ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ, может быть состоятельным человеком? Это же всех интересует, всем же кажется, наоборот: «О, ну, наверное, Резник там бабла срубил».

Резник так «бабла срубил», что маленький домик снимает у военного врача. Да, снимаю, у меня нет своего дома. Та квартира, которая у меня есть, стоит в бетоне, там даже нет ремонта. Мы живем в этом домике с двумя собаками, с кошками, и вот так я замечательно себя чувствую. А разговора нет, чтобы купить дом, откуда у меня? Авторские гонорары мизерные.

ТО ЕСТЬ ЭТА СИСТЕМА не работает в России?

Не работает. Я уже говорил в нескольких интервью, сколько я зарабатываю: авторские составляют такую сумму, которую получает звезда за свой 15-минутный сольник, исполняя мои песни. Понимаете, да? Но это все мне не интересно, может



У меня через два месяца в издательстве «Зебра» выходит четырехтомник, где будут поэмы, стихи, сонеты, четверостишия, молитвы, проза, детские сказки, басни, что-то еще...



Резник так «бабла срубил», что маленький домик снимает у военного врача. Да, снимаю, у меня нет своего дома.

быть, это даже и мешает творчеству. Представьте, было бы у меня сейчас 5 миллионов – на фиг мне кому-то что-то писать, делать, куда-то там интервью давать и прочее.

НУ А МЫСЛИ У ВАС НЕ ВОЗНИКАЛО когда-нибудь уехать отсюда?

А что там делать? Ты что, смеешься, что ли? Я со своим театром ездил, полтора года прожил в Америке – большего унижения у меня не было. Даже, по-моему, во время блокады в Ленинграде у меня не было такого унижительного состояния, ужасно.

ВЫ МЕНЯ ПРОСТИТЕ, а вы что, пережили блокаду?

Да, я ветеран Отечественной войны, можешь себе представить?

Для среды поэтов «элитарных», которые, вот ПОЭТЫ... Вот для них я не существую. Для них я

эстрадник, песенник. Это легче всего сказать: «песенник», а ты напиши хоть одну песню.

НЕТ.

Я ветеран Великой Отечественной войны.

НО ВЫ ЖЕ молодой человек...

Да, потому что мы – дети войны, блокадные, – приравнены президентским указом недавно к ветеранам, жители блокадного Ленинграда.

А КАКОЕ САМОЕ СТРАШНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ О БЛОКАДЕ? Я понимаю, что там все страшно, но вот есть какая-то картинка, которая не покидает, которую вы вспоминаете постоянно?

Блокадная?

ДА.

Несколько эпизодов всего. Один эпизод: я помню, как вышел балкон – на улице восстание. Мне показалось, что небо серое, потому что много аэростатов, они солнышко закрыли. Потом эпизод с крошкой хлебушка: когда бабушка вела меня зимой из садика и дала какой-то кусочек хлеба, и одна крошка упала в снег, я ее там искал. И потом я помню баржу, на которой нас везли по Ладоге, а точнее обшивку... этот вкус обшивки, я к ней прислонялся... А потом я помню уже Свердловск, эвакуацию: ночью крысы на столе сидели, три жирные крысы, крошки доедали какие-то. А потом уже привезли отца из госпиталя, он умер от двух ранений, и там мы его похоронили. Вот такие какие-то воспоминания. Детский сад, мартросский танец, еще какие-то...

НАВЕРНОЕ, ПОЭТОМУ ВЫ И ЧЕЛОВЕК ХОРОШИЙ, потому что люди, прошедшие такое, по-другому внутри как-то скроены.

Да, конечно.

СКАЖИТЕ, ЕСЛИ МОЖНО, ну а на сколько вы себя чувствуете, или для вас паспортные данные неважны?

Нет. Иногда ночью думаешь: «Боже мой, столько лет...» Бог его знает, сколько еще останется – не останется.

А У ВАС КАКАЯ-ТО СТАТИСТИКА ЕСТЬ, сколько у вас написано стихотворений, сколько на них песен положено?

Нет, нет.

ВООБЩЕ, ВЫ ПОНИМАЕТЕ, что вы абсолютно исторический персонаж? Вы как-то внутри это понимаете?

Исторический? Нет.

Я КОГДА-ТО ИМЕЛ СЧАСТЬЕ ОБЩАТЬСЯ С ИРИНОЙ БУГРИМОВОЙ, когда она еще была жива. Так вот я ее спросил как-то: «Ирина Николаевна, а вы вообще вот понимаете про себя, кто вы и что вы, но только так, честно, мне скажите. Просто я хочу понять, что ощущает человек, который сделал много для страны, для искусства, вы – абсолютная история». Она говорит: «Ну, где-то, конечно, что-то такое понимаю, но я никогда на этом не заикливалась, потому что я бы, наверное, тогда остановилась в своем развитии». Но вы, Илья Рахмилович,

понимаете, что вы – абсолютный знак 70-80-х, начала 90-х, абсолютно стопроцентный, и никого рядом не стояло? А теперь вы продолжаете жить в творчестве, искусством в самых разных жанрах, стилях, направлениях. И вы посмотрите, последние двадцать лет не принесли таких мощных фигур, понимаете?

Ты знаешь, я смотрел в Интернете блог «Пятьдесят лучших поэтов России», меня там нет. Посмотри «Антологию» Евтушенко – меня там даже близко нет.

ЭТО смешно.

Я для них не существую, понимаешь? Потому что они копошатся в своих теориях, в своих мегафорах.

Н У ЭТО ХАРАКТЕРИЗУЕТ ТОГДА ИХ, А НЕ ВАС. Тогда я вам скажу голосом Ренаты Литвиновой, которая на одной премии, знаете, что сказала? Она сказала: «Не волнуйтесь, лучшим ничего не дают». Получается, что так. Многим артистам, которые в сознании людей народные, оказывается, у них званий нет.

У меня звание есть. На мое счастье, наши руководители ко мне очень тепло относятся, Владимир Владимирович и Дмитрий Анатольевич. А вот для среды поэтов «элитарных», которые, вот ПОЭТЫ... Вот для них я не существую. Для них я эстрадник, песенник. Это легче всего сказать: «песенник», а ты напиши хоть одну песню. Стихи-то писать легко, как сказала Ахматова, и я говорю, что легко. Легко. Если ты поэт, это счастье – выдохнуть. А ты вот песню напиши, на музыку какую-то положи.

ВИДИТЕ, ВРЕМЯ КАК ИЗМЕНИЛОСЬ? Раньше как говорили: «Песня на стихи...» И какие были стихи! Сейчас говорят – тексты, уже немножко другая история. Ну ладно, Бог с ними. Я, знаете, что помню? Где-то в 1994 году, наверное, было столетие ВГИКа. Я еще был студентом эстрадно-циркового училища, и меня пригласили туда вести в фойе что-то там в качестве массовика-затейника. Я помню, что это было десять часов утра, и вы пришли с Пугачевой при полном параде. У меня даже появилась мысль этот материал назвать: «Всегда при параде». Я не представляю вас в майке, даже в кофте. Вот эталон! Я недавно смотрел фильм про Громыко, которого родственники дома, даже на даче, когда он вышел на пенсию и писал книгу, не видели в принципе кроме как в белой рубашке и в галстук. Вот это что такое?

Это уважение к высокому званию поэта. Это воспоминания о Байроне, Пушкине, Гумилеве, Александре Александровиче Блоке, которые были роскошными, красивыми, элегантными, прекрасными поэтами. А нынешние поэты, пахнущие потом, перегаром, в каких-то драных джинсах и свитерах, пишут «для себя»... Как один поэт мне сказал: «Я пишу для себя, а ты на потребу». Я ответил: «Ты пишешь для себя? Написал, положил в стол? Ночью встал, почитал, обратно положил? Чего ты лезешь-то: на телевидение, по редакциям... Книжки тоже выпускаешь для себя?» Я как-то написал:

«Теряет классиков страна.

Литдряни в изобилии.

Да, раньше были имена –

Теперь – одни фамилии!»

ТО ЕСТЬ ЭТО НЕ КАКАЯ-ТО ТАМ ФИШКА, как, например, у Боярского – он всегда в черном и в шляпе? А Резник всегда в белом и в галстук, и где-то рядом белый рояль в кустах...

Кто-то из духовных лиц мне однажды сказал про белый цвет: «Вот это правильно, потому что он несет свет». Он даже помогает, понимаешь? Он дополняет твою сущность, твое внутреннее какое-то состояние, вдохновение, что ли.

Я ЧУВСТВУЮ И ВИЖУ, что вы верующий человек, настоящему.

Только без всякой конфессии.

Я ПОДВОЖУ ЭТО К СЛЕДУЮЩЕМУ ВОПРОСУ. Многие из молодых людей, из нового поколения – для меня это вообще странно, но что делать, такие вопросы возникают – не понимают, в чем смысл жизни. Они говорят: «А в чем смысл жизни? Это короткий отрезок, это бессмысленное существование. А в чем смысл, если мы все умрем?» Я говорю: «Как? Каждый человек явился для того, чтобы сделать себя лучше, прекрасней, тем самым украсить эту планету и улучшить ее своим творчеством, теплом, красотой, талантом». Вы как-то отвечаете на эти вопросы или вообще не задумываетесь, сами себе даже?

Нет, нет, нет.

И ЛИ ВЫ ТОЧНО ПРОСТО ПОНИМАЕТЕ, в чем смысл и свое предназначение?

Мое предназначение – говорить то, что во мне: «Убереги, Господь, язык от лести, обиду от хулы, кинжал от мести. От воровства и зависти спесивой храни, Господь, приют жены и сына. Благослови рукой своей незримой всех странников, бродяг и пилигримов. Пошли, Господь, им хлеба и водицы, в самих себе не дай им заблудиться. Пошли, Господь, прощенье и спасенье тем, кто хулил мой голос в исступлении, дай вдохновенья светлого таланта, спокойствия и мужества атланта. Не дай забыть тепло души горящих, не дай хулить гулящих и пропащих, освободи грядущие мгновенья от праздности глухой и искушенья. Благослови, пусть радости навстречу идут чредою утро, день и вечер».

ЕСТЬ ЕЩЕ ОДНО ИЗРЕЧЕНИЕ, которое я выписал и хотел вам прочесть: «Произведения, которые читают, имеют настоящее. Произведения, которые перечитывают, имеют будущее». Мне кажется, что ваша поэзия абсолютно подпадает под последнее понятие. Но продолжим. Чего не знают, например, люди, зрители, читатели о Резнике? Знают о том, что вы поете, что пишете музыку...

Они мало знают моих стихов, их очень мало печатают все равно. То есть я не занимаюсь распространением, пиаром

своих стихов. Потому что есть поэты, которое одно стихотворение только сочинят, и два года одно и то же муссируют. Как Вознесенский – «Васильки Шагала»... Все время одно и то же. У меня так много всего... Вот сейчас я дал на откуп в издательство стихи: «Напечатайте, денег не надо, чтобы только люди знали, что есть стихи, за которые не стыдно». Но я тебе скажу, что люди на улице все равно подходят, и дети, главное, что дети! Вот сегодня я пока шел, с двумя сфотографировался.

БУДЬТЕ ДОБРЫ, ПРОДОЛЖИТЕ ФРАЗУ: «Я люблю...»

Я люблю свое состояние, когда могу очень многое рассказать людям, когда могу выдохнуть много стихов, много мыслей, образов. Это состояние я просто в себе обожаю. Я люблю своих немногочисленных друзей. Друзей очень мало, потому что иногда почти некому позвонить. Люблю свою жену, которая является моим помощником уже на протяжении десяти лет: и мой тыл, и продюсер, и вдохновитель, и муза, и все что угодно. Благодаря ей я не выгляжу на свой возраст, мне так кажется. «Я люблю тебя, Россия...» Конечно, я люблю родину свою, поэтому я очень переживал, когда сочинялся гимн, очень переживал. Вначале-то мы объявили еще конкурс в «Аргументах» на музыку Глинки, около пятисот было



Я люблю свое состояние, когда могу очень многое рассказать людям, когда могу выдохнуть много стихов, много мыслей, образов.



Диалог неформат

вариантов, включая Евтушенко, Римму Казакову. Потом я писал на музыку старого гимна тоже, и в новом гимне есть две строчки даже мои, из моего варианта...

А

КАКИЕ, можно узнать или нет?

«Россия – священная наша держава» и «Слався, страна! Мы гордимся тобой!» – это из моего варианта. Это все мои слова и администрация Президента и мой вариант сначала приняли за основной даже. Но потом все переиграли. Ты не задумывался, что это означает: «Предками данная мудрость народная» – точка, а потом: «Слався, страна! Мы гордимся тобой!» «Предками данная мудрость народная» – здесь, наверное, должно быть развитие, что она, эта мудрость, делает?

НУ ДА, ЧТО?

Наполняет сердца или помогает нам развиваться, или что? Точка. Посмотрите текст гимна.

Я НЕ ЗАДУМЫВАЛСЯ, действительно.

Грустно. Вот и это моя боль, конечно, была, но сейчас-то чего об этом говорить? И, к сожалению, с трудом запоминают гимн, народ с трудом поет. Даже посмотришь на спортсменов – ну двое поют из команды.

ТЕПЕРЬ ПРОДОЛЖИТЕ ФРАЗУ «Я не люблю...»

Не люблю я завистников, не люблю необязательных людей. Ну и алчность... Все отрицательные качества, которые есть у человека, мне претят. Я не люблю свою доверчивость, вот это то, что мне вредит. Но если ты не будешь очаровываться...

НЕ БУДЕШЬ разочаровываться.

Не будешь разочаровываться. Если я не очаровываюсь, то я ничего не могу этому человеку написать, понимаешь?

ВЫ ЗНАЕТЕ, КАКОЕ ЕСТЬ ИЗРЕЧЕНИЕ: «Когда меня обижают, я не обижаюсь. Потому что в тот момент у того, кто меня обидел или предал, начинается длинный и довольно-таки сложный разговор с Богом».

Ты знаешь, я тебе так скажу: я человек не злопамятный, хотя есть такое продолжение: «Зато я злой и память у меня хорошая». (Смех.) Да, я не злопамятный, но если посмотреть на судьбы людей, которые мне сделали больно, у многих они порой трагические.

ПОЛУЧИЛИ, ДА, я уверен.

Вот меня просто берегают, понимаешь?

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ.

Я никогда не мщу, я не мстительный, никому в жизни. Однажды, когда мы еще репетировали первый вариант мюзикла «Черная уздечка белой кобылицы», у меня украли дубленку, шапку и шарф. Этих пацанов поймали, я был категорически против, чтобы их в тюрьму посадили, потому что я не хотел грех на душу брать. Я их простил, понимаешь? Есть какая-то закономерность, грустная, может быть, но люди, они в зависти своей сами себя съедают. Зависть съедает человека, он уже не радуется жизни, а думает, как бы вот этому было плохо, как бы похуже ему было, как бы ему сделать гадость. И болеют, и мучаются они сами из-за этого.

Зависть – это смертный грех. И не бывает она белой или черной...

ВЫ КОБЗОНУ НАПИСАЛИ – и мы уже вспомнили сегодня – «Мой путь». А если я вас попрошу продолжить фразу: «Моя жизнь – это...»

У меня есть стихотворение: «Жизнь моя – карнавал, только что-то к нему не привыкну. Я, представьте себе, танцевал и с бедой, и с разлукой в обнимку. А старуха с косой позовет – дотяну до последнего шанса, и никто меня с ног не собьет, мне бы только чуть-чуть отдышаться. Эту жизнь я чертовски люблю. Впрочем, истина эта – не новость, но я снова ее повтोरю. Извините меня за нескромность».

ХОЧУ ВАМ РАССКАЗАТЬ, что однажды я признавался девушке в любви с помощью ваших стихотворений. Есть история, которую рассказала, кстати, Лилия Толмачева, которая была первой женой Олега Ефремова: когда Ефремов ей всю ночь читал Бернса, и когда она его спросила: «Это твой, Олег?» – он ответил: «Конечно. Конечно, мои, я их написал для тебя». Потом, когда они уже стали жить вместе, он признался ей, что это совсем не он, а Роберт Бернс.

Ты знаешь, Олег Николаевич очень трепетно ко мне относился, он приходил на мои авторские вечера, я даже удивлялся. Он приходил, Саша Абдулов приходил на мой спектакль, еще в Ялте. Куравлев и Папанов просто по-отечески ко мне относились. Джигарханян тоже.

Т

АК ВОТ, ЭТО БЫЛО В ШКОЛЕ, класс второй или третий, еще в Молдавии, в Кишиневе. Я услышал несколько песен с пластинки – я просто помню очень точно: «Стихи Ильи Резника». Думаю: «О, отличная история!» Я их переписывал и записки писал Свете Голубевой, в которую был влюблен. И когда я подросток, меня как-то совесть замучила, что я как-то нехорошо поступил, что я подписывался своим именем под вашими стихами. И я дописал четыре строчки свои... Я написал ей: «Света, все эти дни, недели и эти два года я отправлял тебе стихи Ильи Резника, но я хочу к ним добавить свои две строчки». И вот представьте, как интересно все закольцовывается, мне бог дал возможность вам это теперь рассказать.

Это называется рондо.

ТАК ВОТ, КАКОЕ РОНДО. Я написал в конце после этого: «Как отражение дарует чистая вода, в его стихах я находил свои слова».

Да, замечательно.

И ЕЙ ПОДАРИЛ. Поэтому я вам говорю и за это спасибо, потому что это была красивая история детской любви. А теперь мы про это вспоминаем с улыбкой, и теперь у меня будет ваша книжка. А своей музе, любимой супруге Ирине, вы посвящаете стихи?

Конечно. Некоторые даже напечатаны в моих книгах. Все, что я делаю в жизни сейчас – все ради нее и благодаря ей. Она – мой стимул. Это правда. Я счастлив! И хотя я никогда не запомню своих стихов, вот эти четыре строчки, посвященные Ирине, всегда в моей душе, в моем сердце и в моих мыслях:

«Рука в руке. И взор во взоре.

Два легких вдоха в тишине.

Вдвоем. И вдвое меньше горя.

Вдвоем. И радости вдвойне».